

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ. ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ:

ИЗМЕРЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ 9

Часть I. ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ:

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ 19

Глава 1. ПРОБЛЕМАТИЧНОСТЬ ИСХОДНЫХ ПОНЯТИЙ..... 21

Иммигранты, мигранты
и феномен международных миграций..... 21

Миграция и методологический национализм..... 23

Иммигранты и репатрианты 27

Где пролегает граница между местным
и приезжим населением? 29

Глава 2. Что означает «интеграция мигрантов»? 32

Проблематика интеграции мигрантов
в западной академической литературе 35

Тема интеграции мигрантов в европейских
публичных дебатах 39

Интеграция мигрантов в европейском
официальном дискурсе 44

Интеграция как процесс
и как административно-
политическая практика 46

Глава 3. НАЦИОНАЛЬНЫЕ КОНТЕКСТЫ 52

Национальные особенности в обсуждении
проблематики интеграции иммигрантов 52

Политика интеграции: национальные особенности или национальные модели?	59
--	----

Часть II. Интеграция мигрантов:

Общественно-политическое измерение	71
---	-----------

Глава 4. Социальное поведение мигрантов:

Объяснительные модели

и эмпирические исследования	73
--	-----------

Эссенциалистские подходы	73
--------------------------------	----

Неомарксизм	74
-------------------	----

Неовеберизм	75
-------------------	----

Неоинституционализм и теория структуры политических возможностей	76
--	----

Эмпирические исследования социального поведения мигрантов	77
---	----

Глава 5. Детерминанты социальной активности

населения мигрантского происхождения	83
---	-----------

Социальная мобилизация мигрантов как объект изучения	83
--	----

Антииммиграционные настроения и фактор крайне правых	84
--	----

Глава 6. Политическое участие мигрантов	92
--	-----------

Характеристики политического поведения мигрантов	92
--	----

Феномен этнического голосования	98
---------------------------------------	----

Политические деятели мигрантского происхождения	99
---	----

Иммигрантские лобби?	102
----------------------------	-----

Мигрантское население как политический ресурс консерваторов?	103
--	-----

Организации мигрантов	104
-----------------------------	-----

Глава 7. Уличные беспорядки	108
--	------------

Причины и поводы	108
------------------------	-----

Алхимия волнений	111
------------------------	-----

Беспорядки в контексте национальной политической культуры.....	113
--	-----

Часть III. Интеграция мигрантов:

НОРМАТИВНОЕ И КУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ	115
---	------------

Глава 8. Нормативные коллизии, порождаемые миграцией	117
---	------------

Целостность общества vs. права человека.....	117
--	-----

Угроза демократическим ценностям или культурная гегемония?	120
--	-----

Вопрос о ценностном нейтралитете государства	122
--	-----

Некоторые выводы	126
------------------------	-----

Глава 9. Культурные конфликты.....	127
---	------------

Споры вокруг дресс-кода	127
-------------------------------	-----

Конфликты по поводу строительства культовых сооружений	134
--	-----

Конфликты по поводу применения норм традиционного права	138
---	-----

Свобода выражения vs. религиозные чувства	140
---	-----

Другие культурные конфликты.....	143
----------------------------------	-----

Глава 10. Социальное инкорпорирование мигрантов-мусульман: в чем специфика?	146
--	------------

Уточняя содержание понятий	146
----------------------------------	-----

Вопрос о будущем секуляризма vs. вопрос о будущем «христианской Европы»	149
---	-----

Конфликт ценностей или двойные стандарты?.....	151
--	-----

Проблема интеграции мусульман как проблема восприятия	154
---	-----

Существует ли исламофобия?.....	160
---------------------------------	-----

Глава 11. Гендерный аспект	164
---	------------

Глава 12. Миграция и культурный ландшафт принимающих стран	168
---	------------

Часть IV. Интеграция мигрантов:**Административно-политическое измерение..... 179****Глава 13. «Политики интеграции»****в отдельных странах Западной Европы:****Формирование, эволюция, результаты 181**

Бельгия..... 181

Нидерланды 184

Франция..... 188

Германия..... 191

Интеграционная политика vs.
процесс интеграции 192**Глава 14. Региональная и локальная специфика****интеграционной политики 195****Глава 15. Мультикультурализм как политика:****символический и инструментальный уровни 203**Мультикультурализм
как символическая политика..... 203

Инструментальный уровень 206

Глава 16. Программы интеграции мигрантского**населения в странах ЕС: современное состояние..... 211**

Основные направления усилий и приоритеты 211

В рамках каких институтов
реализуются программы интеграции 212Общее и особенное в интеграционной
политике государств ЕС последних лет 217Как выглядят и как реализуются
программы интеграции 219

Индикаторы интеграции..... 220

Стратегия ЕС на современном этапе..... 221

Практики интеграции: know how..... 223

Глава 17. Европейский опыт:**что из него можно извлечь в России? 228**

Российская специфика 228

Европейские эксперты о трех десятилетиях опыта интеграции	235
Что необходимо для успешной интеграции мигрантов в России	237
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	241
ПРИЛОЖЕНИЯ	249
1. Беженцы и соискатели политического убежища в странах Западной Европы	251
2. Отношение к иммиграции и иммигрантам в Западной Европе	252
3. Отношение к мусульманам в Европе	256
4. Индексы «мультикультурных политик»	258
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	259
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	265

ВВЕДЕНИЕ

ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ: ИЗМЕРЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ

Эта книга посвящена анализу европейского (и шире — западного) опыта интеграции иммигрантов. Для русского читателя, однако, такой опыт интересен лишь в той мере, в какой он может быть применен в России.

Очевидно, что сходство России с европейскими странами определяется ее принадлежностью к индустриально развитому миру. Россия, как и другие страны условного Севера, привлекает трудовые ресурсы из стран условного Юга. Кроме того, в Россию, так же как и в европейские государства, тянутся беженцы и соискатели убежища из экономически и/или политически неблагополучных регионов. На этом, однако, сходство России с ее европейскими соседями (не говоря уже о Соединенных Штатах и Канаде) заканчивается.

Во-первых, Россия — новая страна иммиграции. Мы лишь недавно вступили в ту колею, в которой наши соседи и конкуренты находятся уже более полувека¹. Неудивительно, что в российском обществе отсутствует согласие не только относительно необходимости интеграции мигрантов, но и относительно необходимости самой иммиграции. Значительная часть элит, ссылаясь на высокий градус антимиграционных настроений среди граждан, отстаивает точку зрения, согласно которой России нужно отказаться от внешней миграции (сделав исключение для относительно небольшого числа высококвалифицированных специалистов). Если масштабное

¹ Если вести отсчет от первых программ найма иностранной рабочей силы, то в случае Бельгии это 1946 г., в случае Германии — 1955-й и т.д.

привлечение иностранных работников и рассматривается как приемлемая возможность, то только в формате временной миграции. Иными словами, иммигранты допускаются лишь в качестве «гастарбайтеров»¹. На таком фоне системное принятие решений в политико-правовой сфере, которые создавали бы условия для интеграции новоприбывшего населения, мягко говоря, затруднено.

Во-вторых, основные потоки людей, въезжающих в Россию, образуют выходцы из постсоветских стран. Четыре пятых российской иммиграции — это миграции в пределах бывшего СССР². Это значит, что большинство внешних мигрантов в российском случае составляют люди, еще недавно принадлежавшие к единому социокультурному пространству. По мере отдаления от момента распада этого пространства различия между россиянами и гражданами постсоветских государств, конечно, будут расти, но пока они не столь велики, как различия между принимающим населением и иммигрантами на Западе.

В-третьих, Россия — страна, которая по целому ряду параметров не вписывается в образец «национального государства» в том виде, в каком он сложился на протяжении последних полутора столетий в Западной Европе. Будучи в прошлом империей, Россия является в гораздо большей мере полиэтничной (многонациональной), чем даже самые неоднородные в этническом отношении европейские государства. Бельгия с ее тремя, Швейцария с ее четырьмя языковыми сообществами (и даже Испания, в которой сосуществуют пять языковых групп) меркнут на фоне российского этнокультурного разнообразия (более ста народов). Но суть дела не в многообразии населения как таковом. Суть дела в том, что в России — ни на уровне гражданского общества, ни на уровне элит — не решен вопрос о природе российского государства. Чем является современная Российская Фе-

¹ Примечательно, как легко это немецкое слово (*Gastarbeiter* = гостевой рабочий) вошло в русский язык.

² Еще пятая часть приходится на страны дальнего зарубежья (от Турции до Китая и КНДР), но это в основном временные мигранты.

дерация — нацией, союзом народов (с русским народом как государствообразующим), империей (пусть и с приставкой пост-)? Острые размежевания вокруг этих определений не только не смягчились за время, отделяющее нас от момента распада СССР, но и усилились после известных украинских событий.

Непроясненность российской политической идентичности проявляется в том, как наши граждане относятся к мигрантам из постсоветских стран. С одной стороны, среди россиян распространено скептическое отношение к суверенитету государств, возникших в результате Беловежских соглашений 1991 г. В их воображении жив образ России как цивилизационного центра, границы которого совпадают если не с пределами Российской империи, то с пределами Советского Союза. С другой стороны, большинство сегодняшних российских граждан болезненно относится к тому, что в Россию прибывают на работу и на жительство люди из бывших советских республик. Отторгая этих людей, россияне активизируют дискурс национального государства, с четко очерченными и строго охраняемыми границами. Но националистический дискурс никак не соответствует имперскому сознанию. Если Россия — имперский центр, то она должна быть готова к тому, что в центр потянутся обитатели периферии. Более того, существенная черта империй — культурная открытость и, как следствие, терпимость к различиям. Непохоже, чтобы эта черта была свойственна общественному сознанию в сегодняшней России.

Словом, дебаты вокруг проблем интеграции мигрантов нам еще предстоят. Возможно, это случится совсем скоро. Но не исключено, что процесс осознания превращения России в страну иммиграции затянется, и общественная дискуссия будет отложена¹. Как бы то ни было, развернутая экспо-

¹ Что касается академического обсуждения этой проблематики, то оно уже началось. Среди имен, которые следует упомянуть в этой связи в первую очередь, Владимир Мукомель, Юлия Флоринская, Екатерина Деминцева, Евгений Варшавер, Анна Рочева, Ольга Бредникова, Олег Паченков, Даниил Александров, Сергей Градировский, Елена Филиппова, Ольга Ткач, а также безвременно ушедшая Елена Тюрюканова.

зиция положения дел, сложившегося в данной сфере у наших соседей по европейскому континенту, — вещь полезная.

* * *

Перемещения людей из стран бывшего третьего мира в страны первого мира являются лишь частью транснациональных миграционных потоков. Миграции внутри азиатского, африканского и южноамериканского континентов составляют не менее трети всего потока глобальных миграций¹. Работники из Непала и Афганистана едут в Арабские Эмираты, беженцы и трудовые мигранты — из Ботсваны в ЮАР, лаосцы и камбоджийцы в массовом порядке иммигрируют в Таиланд и т.д. Однако по целому ряду причин эти процессы не сопровождаются заметными публичными и академическими дискуссиями на тему интеграции мигрантов. Иное дело — миграции из азиатских и африканских регионов в Западную Европу и из Латинской Америки в США. Здесь проблематика инкорпорирования нового населения в принимающее общество обсуждается и на телевидении, и в газетах, и в ученых журналах.

Существует три источника массового притока в страны условного Севера (Запада) переселенцев из стран условного Юга (Востока).

Источник первый: демонтаж империй. После того как европейцы отказались от своих заморских владений (это произошло около 1960 г.), начинается приток населения из бывших колоний в бывшие метрополии. Это постколониальная миграция.

Источник второй: нехватка трудовых ресурсов в ситуации послевоенного экономического бума (1950–60-е). Непреднамеренным следствием присутствия «гостевых рабочих» стал массовый въезд в Европу иностранцев по линии воссоеди-

¹ По данным United Nations Population Division, в 2010 г. на земном шаре насчитывалось более 214 млн международных мигрантов, из них 73 млн мигрировали из одних развивающихся стран в другие. В 2013 г. мировое мигрантское население составляло около 233 млн, из которых 96 млн перемещались в пределах условного Юга.

нения семей. Зачастую можно услышать недоуменный вопрос: почему такому въезду не был поставлен заслон? Ответ: потому что такой заслон был бы возможен только в условиях апартеида. Однако *conditio sine qua non* либерального государства — отношение к людям как к обладающим достоинством существам. Иностранцы, трудящиеся, приехавшие в страну по приглашению и отработавшие на ее благо пять-десять и более лет, имеют такие же основания на человеческое к себе отношение, как и местные трудящиеся. Как писал в свое время Карл Полаanyi, «мнимый товар под названием “рабочая сила” невозможно передвигать с места на место, использовать, как кому заблагорассудится, или даже просто оставить без употребления, не затронув тем самым конкретную человеческую личность, которая является носителем этого весьма своеобразного товара». Мысль, что и говорить, не слишком близкая господствующему ныне сознанию. «Распоряжаясь “рабочей силой” человека, — продолжает Полаanyi, — рыночная система в то же самое время распоряжается неотделимым от этого ярлыка существом, именуемым “человек”, существом, которое обладает телом, душой и нравственным сознанием»¹.

Источник третий: социальные катаклизмы, влекущие за собой появление беженцев. Здесь вновь заявляет о себе гуманитарный императив политики либеральных демократий. Подобные явления — элемент структуры, именуемой современным миром. Последний же представляет собой единую социально-экономическую систему, хотя и разделенную на две сотни «национальных государств». Это значит, что все, что происходит на периферии этой системы, связано — иногда косвенно, а иногда и прямо — с тем, что происходит в центре.

В самом деле, государства Севера довольно часто бывают непосредственно вовлечены в политические события в государствах Юга: в качестве патронов непопулярного режима или, напротив, в качестве сил, организующих государственный переворот, в качестве поставщиков оружия одной из воюющих сторон и т.д. Поэтому в новейшей истории постоянно возника-

¹ Полаanyi К. Великая трансформация: Политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейа, 2002. С. 87.

ли ситуации, когда допуск на свою территорию людей, борющихся с неудобным Западу политическим режимом (например, сторонников иранского шаха после его свержения в 1979 г. или противников Саддама Хусейна в Ираке в 1980–90-е годы) был не чем иным, как моральным долгом западных держав. Не говоря уже о том, что гражданские войны в «развивающихся» странах часто случаются не без влияния центров силы в развитом мире. Например, война в Югославии в начале 1990-х годов стала последствием признания Германией суверенитета Словении и Хорватии. Прием Германией сотен тысяч хорватских беженцев был своего рода признанием ответственности страны за ее позицию по Югославии. Несколько миллионов беженцев из Афганистана и Ирака стали прямым следствием авиационных ударов 2002–2003 гг. и последующей оккупации этих стран войсками НАТО. И если события 2011 г. в Тунисе и Египте («арабская весна») были скорее результатом внутренних противоречий этих обществ, то беженцы из Ливии вряд ли бы устремились в Европу, если бы не натовские бомбардировки.

Не столь многочисленную, но тем не менее значимую группу мигрантов с Юга на Север представляют собой соискатели политического убежища¹. Это активные борцы с тем или иным репрессивным режимом, которые были вынуждены покинуть свою страну и которых в случае отказа в убежище ждут пытки и, скорее всего, смерть. Прием соискателей политического убежища также считается моральным обязательством благополучных государств. К сожалению, на практике выполнение этого обязательства страдает большой долей избирательности, если не сказать лицемерия. Так, в годы

¹ Отличие соискателей политического убежища (*asylum seekers*, *Asylbewerber*, *compétiteur d'asile politique*) от беженцев (*refugees*, *Fluechtlinge*, *réfugié*) заключается в том, что первые могут рассчитывать на постоянное жительство в стране, предоставившей искомый статус, тогда как вторые получают разрешение на временное пребывание до тех пор, пока условия, препятствующие их возвращению на родину, не изменятся. Счет людей обеих категорий, ходатайства которых венчаются положительным решением, идет от нескольких сот до нескольких десятков тысяч человек ежегодно — в зависимости от размеров населения принимающего государства, а также того уровня моральных обязательств, которые берет на себя его руководство (см. приложение 1).

холодной войны соискатели убежища из стран с левыми режимами (Куба, Польша до 1989 г. и т.д.) имели гораздо больше шансов его получить в западных странах, чем соискатели того же статуса из государств с правыми режимами (Чили при Пиночете, Турция при военных режимах и т.д.).

Итак, вопрос о приеме мигрантов — часть проблемы ответственности первого мира за то, что происходит на земном шаре.

Как сюда вписывается Россия (в годы холодной войны являвшаяся частью второго мира) — вопрос, который на нижеследующих страницах будет присутствовать лишь имплицитно.

* * *

Несколько слов о замысле и структуре этой книги.

Мы начинаем с обсуждения концептуальных вопросов. Критическому осмыслению подвергаются ключевые понятия — понятие «интеграция» в первую очередь. Логически интеграция представляет собой противоположность «дезинтеграции» и «сегрегации». «Интеграция мигрантов» в первом из данных контекстов означает такое включение новоприбывшего населения в существующее общество, которое не нарушает целостности последнего. Во втором из контекстов «интеграция мигрантов» предполагает, что принимающей стране удастся избежать разделения общества — пространственно-географического, коммуникационного и культурно-символического — на изолированные друг от друга сообщества (или, выражаясь в других терминах, замыкания мигрантского населения в изолированных от местных жителей анклавах, в пресловутых мигрантских гетто).

Смысл слов, используемых для обозначения интересующих нас проблем, зачастую далек от ясности. Эта неясность иногда обусловлена различиями в национальных контекстах. Так, в Северной Америке до недавнего времени был в ходу термин «ассимиляция»; в американском и канадском контексте данный термин не сопровождался негативными коннотациями. Ассимиляция здесь не означала отказа от культурной идентичности, связанной со страной, в которой мигранты жили до прибытия в Новый свет. Однако под влиянием европейских

дебатов термин «ассимиляция» впал в немилость, и там, где американские авторы говорили об ассимиляции мигрантов, они стали говорить об их интеграции. Вместе с тем, по убеждению многих критиков, сам термин «интеграция» имплицитно содержит в себе элемент ассимиляции. В поисках более нейтральных обозначений ряд авторов предложили употреблять термины «абсорбция», «включение», «инкорпорирование». Мы также будем прибегать к альтернативным терминам. Однако вряд ли имеет смысл полностью заменять ими термин «интеграция». Главное, что, используя этот термин, мы отдаем себе отчет в его многозначности и проблематичности.

Точно так же обстоит дело и с понятием «мигранты». Само его использование таит в себе две опасности. Во-первых, используя это понятие, мы начинаем рассматривать совершенно разных людей в качестве членов одной группы. Во-вторых, подводя различных индивидов под эту категорию, мы невольно их стигматизируем. Воображение рисует смутное облако из потенциальных опасностей (болезней, преступлений, терактов), за которым невозможно разглядеть живых людей.

Еще более явной стигматизация становится тогда, когда в ход идут выражения «нелегальные мигранты» или «нелегалы». Ситуаций, когда человек вынужден работать без оформления надлежащих документов, великое множество. Однако сам термин «нелегал» автоматически помещает его в ряд преступников. Поэтому лексика, которую избирают участники общественных дискуссий, имеет принципиальное значение для характера самих дискуссий. Там, где одни говорят о «нелегальной иммиграции» и «незаконных мигрантах», другие предпочитают вести речь о «нерегулируемой иммиграции» и «недокументированных мигрантах»¹. В российском случае выбор слов особенно важен. В силу открытости границ с постсоветскими

¹ Симптоматично, что в Италии и Испании для обозначения недокументированных мигрантов в обыденном языке применяются слова *clandestini* и *clandestinos*, что значит среди прочего «те, кто живут рядом с нами». Во Франции в публичных дебатах (преимущественно на левом фланге) для той же цели используют термин *sans papier* (без документов). См.: “Dass Sie uns nicht vergessen...” Menschen in der Illegalitaet in Muenchen. Eine empirische Studie im Auftrag des Landeshauptstadt. München, 2003.

государствами большинство российских внешних мигрантов прибывают в страну легально, так что эпитет «нелегал» к ним неприменим. Другое дело — трудовая деятельность без соответствующего разрешения. Но здесь опять-таки надо выяснить, почему человек оказался в серой зоне — по своей вине или потому, что его туда вытолкнули заинтересованные инстанции¹.

Среди концептуальных аспектов проблематики интеграции для меня особую важность имел вопрос о соотношении культурных и структурных факторов процесса включения мигрантов в принимающее общество. На мой взгляд, в российской литературе зачастую совершается методологическая ошибка, связанная с гипостазированием выражения «культурная дистанция». Авторы, оперирующие этим понятием, понимают под ним некую статичную данность. Предполагается, что именно непреодоленная (непреодолимая) культурная дистанция ответственна за провал интеграции. Если мигранты замыкаются в своих анклавах, сводя к минимуму контакты со старожилами, то это происходит в силу их стремления удержать свою культурную самобытность. По моему убеждению, здесь нужна принципиально иная логика. То, что именуют культурной дистанцией, не есть проблема сама по себе. Она становится проблемой в результате неудачи в интеграции. Иными словами, основной источник таких явлений, как самоизоляция, геттоизация, анклавизация мигрантов, следует искать не в субъективных особенностях последних², а в объективных осложнениях в ходе интеграции. По приезде дистанция между мигрантами и старожилами может быть даже меньше, чем она становится со временем, если что-то вдруг пойдет не так. Сначала — неудача в трудоустройстве, карьере, социальном признании и т.д., затем — компенсация этой неудачи посредством подчеркивания

¹ Таких инстанций три: бизнесмены, стремящиеся избежать налогового бремени, чиновники, готовые за определенное вознаграждение закрыть на это глаза, и посредники — теневые организации, предоставляющие услуги по оформлению документов, которые без них оформить крайне трудно, а зачастую и невозможно. См.: Градировский С. Политика репатриации и трудовой миграции в современном российском государстве : доклад. М. : Всемирный банк : Фонд «Миграция XXI век, 2010.

² Хотя значимость этих особенностей игнорировать нельзя (см. гл. 9).

культурных особенностей. Люди переезжают в другую страну не для того, чтобы пестовать там свою культурную идентичность. Если же они на новом месте избирают такую стратегию поведения, то объясняется эта стратегия прежде всего неснятой структурной дистанцией¹.

Проблематика интеграции мигрантов чрезвычайно многомерна. С одной стороны, мигранты выступают в качестве объекта управления, а их интеграция — в качестве результата усилий специально занятых этим институтов. Это *административный* аспект интересующей нас проблематики. С другой стороны, мигранты — субъект социального действия. Различные индивиды и группы из числа новоприбывшего населения вступают в контакт с индивидами и группами из числа старожильческого населения. Анализ взаимодействия этих индивидов и групп выводит нас к *политическому* аспекту интеграции мигрантов. Каждому из этих аспектов посвящен отдельный раздел настоящей книги (причем раздел, трактующий политическую сторону дела, предшествует разделу, рассматривающему административную сторону). В промежутке между этими разделами книги помещена часть, сосредоточенная на *нормативных и культурных* аспектах интеграционной проблематики.

Нет нужды излагать здесь содержание дальнейших страниц. Отметим лишь, что тема интеграции мигрантов поднимается там и тогда, где и когда с ней возникают проблемы. Когда в этой сфере все идет своим чередом, подобные вопросы общество не волнуют. Приезжающие из-за границы люди постепенно вписываются в жизнь принимающего общества — и адаптируясь к нему, и трансформируя его. Ситуации «провала интеграции», о которых любят поговорить популисты, уместно рассматривать как то, что оттеняет многочисленные случаи успешной интеграции. Озабоченность старожилков тем, что интеграция новоприбывшего населения пробуксовывает, свидетельствует о том, что этот процесс идет.

¹ Структурная дистанция может быть сокращена (через повышение уровня доходов, уровня образования, профессиональной квалификации и т.д.). Соответственно, структурная дистанция достаточно просто поддается измерению — в отличие от культурной дистанции (понятия весьма проблематичного).

ЧАСТЬ I
ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ:
КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

ГЛАВА I. ПРОБЛЕМАТИЧНОСТЬ ИСХОДНЫХ ПОНЯТИЙ

Иммигранты, мигранты и феномен международных миграций

В обыденном языке слова «иммигрант» и «мигрант» употребляются как синонимы. Это противоречит толковым словарям. Последние велят называть иммигрантами граждан одного государства, прибывших на постоянное (или длительное) жительство на территорию другого государства, а мигрантами — людей, сменивших место жительства в пределах территории государства, гражданами которого они являются. В нижеследующем изложении тем не менее оба термина будут использоваться как взаимозаменяемые.

Основная причина, побудившая меня пойти на такую вольность, носит методологический характер. Дело в том, что само различие между «внутренними» и «внешними» мигрантами возникает тогда, когда мы смотрим на феномен миграции сквозь государствоцентричную призму. Однако если посмотреть на него из перспективы мировой экономики, то миграции населения — как внутри, так и поверх государственных границ — элемент глобальной трудовой мобильности. Это в первую очередь перемещения работников из мирового Села в мировой Город, обусловленные урбанизацией. Кроме того, это социально-географическая мобильность высококвалифицированных специалистов. А они ищут (и часто находят) работу независимо от территории своего актуального жительства. Таким образом, мигранты — это любые работники, которые трудятся не в том месте, в котором родились и выросли, будь то их родное село, родной город или родная страна¹.

¹ Мы здесь отвлекаемся от другой составляющей глобальных миграционных потоков — политической. Определенная часть людей, решающих эмигрировать, делает это под давлением форс-мажорных обстоятельств: гражданской войны, революции и т.д. Это беженцы и соискатели политического убежища. Главное отличие между миграциями этого типа и трудовой миграцией в их вынужденном характере.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru